

На правах рукописи

И С А Ч К И Н Сергей Павлович

**ИСТОРИОГРАФИЯ СИБИРСКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ 1907 – 1917 гг.**

**Специальность 07.00.09 –
историография, источниковедение
и методы исторического исследования**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ОМСК 2004

Работа выполнена на кафедре истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Никитин Алексей Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Толочко Анатолий Павлович

доктор исторических наук, профессор
Камынин Владимир Дмитриевич

Ведущая организация – Пермский государственный университет

Защита состоится апреля 2004 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан марта 2004 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

З. Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы. Социал-демократия была и остается важнейшей составной частью левых сил современного мира. Она уходит корнями в массовое рабочее движение конца XIX – начала XX вв. Социал-демократы представляли заметную политическую силу и в России. В случае выступления против самодержавия единым фронтом они имели шансы на историческую перспективу после Февральской революции. Однако в результате прихода к власти в октябре 1917 г. их большевистского крыла сама социал-демократическая идея была отвергнута. Между тем она успешно воплощалась в жизнь в странах Западной Европы. Там во второй половине XX в. социал-демократам удалось в определенной мере гармонизировать социальные отношения и добиться достойного уровня жизни народа.

Стержневую идею анализируемого движения Запада представляет демократический социализм. Его главными составляющими являются социальное государство, политическая и экономическая демократия, а также этический социализм. В повседневной общественной жизни социал-демократы борются против неоконсервативного, ультралиберального подхода к действительности. Они противопоставляют ему социально направленную, более гуманную и тем самым менее взрывоопасную в политическом смысле модель. Не посягая на основы существующего строя, партии рассматриваемого направления категорически против того, чтобы неизбежные издержки общественного развития возлагались на плечи наиболее ущемленных групп населения путем сокращения занятости, демонтажа социальной инфраструктуры. В противовес либеральной ориентации на «необузданные проявления капиталистического способа производства» и «неограниченную игру рыночных сил» социал-демократы делают упор на сохранение экономической, социальной и экологической активности государства, всесторонний учет интересов основной массы населения¹.

Очевидно, что после провала либеральных реформ в современной России наиболее приемлемым становится социал-демократический вариант ее дальнейшего развития. Кроме того, выс-

---

¹ Современная социал-демократия: Словарь-справочник. М., 1990. С. 10-13.

шие ценности демократического социализма в основном соответствуют архитипу российского национального сознания, поскольку опираются на идеи социальной справедливости. И, наконец, вера сторонников данного учения в возможность существования более нравственного, гуманного и обеспеченного общества по сравнению с нынешним гармонично сочетается с вечными чаяниями нашего народа о лучшем будущем для всех и каждого.

Таким образом, социал-демократическая платформа может быть не только оптимальной моделью дальнейшего развития России, но и основой для новой интерпретации ее общенациональной идеи. В связи с этим особую значимость сейчас приобретает изучение истории международного социал-демократизма. Безусловно, его опыт следует использовать с учетом национальных особенностей нашей страны. В этом плане социал-демократическое движение Сибири не может не вызывать интереса обществоведов. Своей толерантностью, примиренческой направленностью, отрицательным отношением к экстремизму оно приближалось к социал-реформизму Запада. Вместе с тем, несмотря на свои специфические черты, оно являлось частью российского революционного процесса и имело с ним одни корни. А это значит, что на его примере в отечественных условиях общественно-политической жизни гораздо проще понять сущность демократического социализма. Однако на протяжении всего советского периода сибирское социал-демократическое движение изучалось в совсем других целях. Кроме того, в силу идеологических причин оно так и не получило объективного отражения в общей массе литературы. Исправить такое положение дел призвана историографическая наука, поэтому актуальность предлагаемого труда вполне очевидна и не вызывает каких-либо сомнений.

Объект и предмет исследования. Объектом настоящей работы избраны концепции социал-демократического движения Сибири, выдвинутые в советский период отечественной историографии. Соответственно предметом исследования стали выводы, положения, фактический материал, статистические разработки и методические приемы трудов данного времени. Специальная концентрация внимания на литературе советского периода представляется вполне обоснованной. Достаточно сказать, что ее библиография составляет не менее 3,5 тыс. работ, в той или иной степени освещающих историю социал-демократов дооктябрьской Сибири. Следует также подчеркнуть, что в

советской историографии даже в рамках единой методологии при решении частных вопросов допускался многовариативный подход в оценках каких-либо фактов или явлений. И это способствовало относительному разнообразию концепций. Таким образом, выбранная для специального анализа литература является самодостаточным источником изучения. Она всесторонне отражает целую эпоху в развитии отечественной историографии.

Степень изученности темы. Первые попытки анализа советской исторической литературы предпринимались в процессе ее рецензирования еще в 20-е гг. Однако собственно историографические исследования стали осуществляться значительно позже. В частности, во второй половине 60-х – начале 90-х гг. появились работы по проблемам историографии организаций РСДРП и рабочего класса Сибири, а также социал-демократической ссылки. В их изучении приняли участие А. А. Мухин, В. М. Самосудов, Н. В. Блинов, А. П. Толочко, В. П. Зиновьев, С. В. Макаруч, Ю. П. Родионов, Н. М. Кравец, М. Б. Шейнфельд, Э. Ш. Хазиахметов, Н. Н. Щербаков, М. В. Шиловский, А. И. Соколов, В. В. Буханцов, С. В. Новиков и др. В 80-х гг. почти каждый исследователь дореволюционной Сибири попробовал себя на поприще историографии. Однако чисто количественные показатели далеко не всегда отражают степень изученности темы. При выборе объекта научных исследований на первый план должны выступать качественные критерии изученности тех или иных вопросов. В такой ситуации важно также определить базисные или производные от них проблемы анализировались в работах ученых до сих пор. И, наконец, решающим условием при выявлении состоятельности темы диссертационного труда должен быть уровень соответствия ее изученности в прошлом требованиям современной науки. Согласно перечисленным критериям и следует анализировать состояние выбранной темы исследования на сегодняшний день.

Итак, до сих пор не существует крупного обобщающего труда по историографии сибирской политической ссылки, а имеющиеся по соответствующим проблемам тезисы и статьи не в состоянии восполнить этот пробел. К тому же в их основной массе лишь подводились итоги изучения деятельности ссыльных социал-демократов и намечались пути дальнейшего исследовательского процесса, а решением данных задач историографическая наука не исчерпывается. Это было известно еще в советское время. Поэтому не случайно в 1985 г. был

специально поставлен вопрос о создании труда по историографии ссылки в Сибирь¹. Эта задача до сих пор осталась невыполненной. Более того, ее решение в настоящий момент должно осуществляться на обновленной концептуальной основе. В отношении вопросов социал-демократической ссылки начало этому процессу положено Э. Ш. Хазиахметовым, но его новые публикации пока являются лишь эпизодом в современной науке². Как видно, к настоящему моменту можно говорить только о самом начале историографического изучения сибирской политической ссылки вообще, и ее социал-демократической части в частности.

В свою очередь историографии рабочего класса региона была посвящена докторская диссертация Н. В. Блинова, которая сыграла определяющую роль в становлении данной темы³. Однако она была защищена четверть века назад и, естественно, не охватила фундаментальных трудов по истории пролетариата Сибири, изданных в 80-х – начале 90-х гг., а их научное обобщение в наши дни представляется очень актуальным. Кроме того, в рассматриваемой диссертации в недостаточной степени освещался межреволюционный период темы. Особенно это относится к ранней советской литературе о рабочих края. Изучая ее, Н. В. Блинов опирался главным образом на сведения о первой российской революции. Это объяснялось тем, что именно они давали возможность судить о процессе освещения в 20-х гг. рабочего движения по Сибири в целом. Однако ученый, видимо, несколько поторопился с обобщениями. Как выяснилось, в публикациях того же периода, но посвященных событиям 1907 – 1917 гг. в крае, присутствовал иной взгляд на проблему. Поэтому выводы Н. В. Блинова в данном случае требуют корректировки. Важно также учесть, что его исследования не имели историко-партийного характера. Рабочие региона прежде всего интересовали автора как таковые, а не как социальная база РСДРП, хотя и последней проблеме он уделял внимание в своих трудах. И, наконец, следует признать, что принци-

¹ Горюшкин Л. М. Вопросы координации исследования политической ссылки в Сибири // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 218, 219.

² Хазиахметов Э. Ш. Историография деятельности Н. А. Рожкова в Сибири // Роль науки в освоении восточных регионов страны. Новосибирск, 1992. С. 75-78; Он же. И. В. Сталин в Нарымской ссылке: факты, комментарии // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. Ч. 1. Омск, 2000. С. 55-61.

³ Блинов Н. В. Историография рабочего класса дореволюционной Сибири: Автореф. дис... докт. ист. наук. Томск, 1975.

пы марксистской методологии, которые блестяще были использованы в исследованиях Н. В. Блинова, не всегда могут служить ключом для открытия конкретных научных положений. Таким образом, есть смысл в новом историографическом освещении социально-экономического состояния, политической зрелости и стачечной борьбы местного пролетариата. Кроме того, важно отметить, что в советской литературе вообще не подлежала анализу концепция большевистского руководства Ленской забастовкой 1912 г. Ее переосмысление представляет значительный интерес в плане разоблачения фальсификаций истории нашей страны.

По историографии сибирской социал-демократии межреволюционного периода на сегодняшний день защищены кандидатские диссертации А. И. Соколова, В. В. Буханцова и С. В. Новикова¹. Однако даже при таком положении дел тему нельзя считать исчерпанной. Дело в том, что в указанных трудах рассмотрению подлежали в основном различные формы деятельности левых социал-демократов и их роль в развитии местного революционного движения. Поэтому неудивительно, что содержание диссертаций в ряде случаев совпадало. Теоретические же вопросы темы были отражены на их страницах в недостаточной степени. Комплексно не исследовалась авторами историография местных организаций РСДРП Сибири, а проблема их политической ориентации специально не анализировалась при изложении материала. Правда, диссертантами были предложены рекомендации по дальнейшему расширению и углублению темы. Однако даже в случае их последующей реализации никаких принципиальных изменений в исторической науке произойти не могло, так как авторы вели речь лишь о совершенствовании и дополнении исследований, причем в рамках существующей тогда методологии. А в настоящий момент процесс развития проблематики исследований должен осуществляться на качественно новой основе. Пока же в деле концептуального обновления темы, как справедливо утверждается в монографии

---

¹ Соколов А. И. Борьба большевиков Сибири против оппортунизма в 1907 – феврале 1917 гг. (Советская историография середины 50-х – начала 80-х гг.): Автореф. дис...канд. ист. наук. Иркутск, 1986; Буханцов В. В. Большевики во главе революционного движения в Сибири (1914 – апрель 1917 гг.). Историография вопроса: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1986; Новиков С. В. Деятельность большевиков по вовлечению народных масс Сибири в революционное движение в 1907 – 1917 гг. (Современная историография): Автореф. дис...канд. ист. наук. Кемерово, 1991.

А. П. Толочко, сделаны лишь первые шаги¹. Кроме этого, следует иметь в виду, что в диссертациях А. И. Соколова и С. В. Новикова получила отражение только литература последнего этапа советской историографии. В свою очередь в исследовании В. В. Буханцова объем историографических источников был достаточно полным, но из всего межреволюционного периода его интересовали лишь годы первой мировой войны.

Таким образом, тема настоящего труда является уже частично изученной. При этом малоисследованными или совсем неосвещенными оказались такие проблемы, как историография социал-демократической ссылки, социальной базы РСДРП и политической ориентации местных партийных организаций в Сибири. Между тем вопросы изучения советскими учеными деятельности эсдеков региона по развитию революционного процесса нашли в 80-х – начале 90-х гг. свое диссертационное воплощение. Такое положение дел противоречило самой логике осмысления историко-партийных проблем в СССР, поскольку оценка деятельности партийных структур в советской историографии находилась в прямой зависимости от их идейной направленности, а она в свою очередь – от состояния социальной базы РСДРП на данной территории и в конкретное время. В специфических условиях Сибири в эту цепь взаимозависимых факторов нередко включалась политическая ссылка, влияние которой на идейное становление партийных организаций всегда признавалось значительным, хотя и не решающим. В такой ситуации малоизученными оказались как раз основополагающие историографические проблемы сибирской социал-демократии (социальная база, ссылка, политическая ориентация). В свою очередь зависимая от них при оценке советскими исследователями деятельность местных объединений РСДРП получила довольно широкое освещение в специальных трудах по историографии (работа в массах, пропаганда и агитация, борьба с оппортунизмом, участие в революционном движении, использование связей с руководящими центрами и т.д.). К тому же следует подчеркнуть, что малоизученные аспекты исследуемой темы с уверенностью можно отнести к объектам проблемной историографии. При освещении же дея-

---

¹ Толочко А. П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск, 2001. С. 91.

тельности эсдеков региона дискуссии чаще всего возникают по поводу достоверности тех или иных сведений, что в историографическом плане имеет меньшую актуальность. Итак, как по критериям советского периода, так и с точки зрения современной науки именно проблемы, поднятые в настоящем труде, представляют наибольшую ценность для исследователей.

Цель и задачи исследования. Цель предлагаемого труда состоит в анализе существующих и формировании новых концепций социал-демократической ссылки, социальной базы рабочей партии и политической ориентации организаций РСДРП в Сибири. Достижению указанной цели способствовало решение следующих задач: выявить основные закономерности, тенденции, положения, выводы, методические приемы в разработке рассматриваемых проблем, показать достижения этого процесса, вскрыть имеющиеся в нем недостатки, указать дальнейшие пути совершенствования научной деятельности, определить новые направления в развитии проблематики исследований.

Источниковая база диссертации. В силу специфики исследования его источниковую базу составили монографии, очерки, брошюры, диссертационные работы, статьи, опубликованные доклады и сообщения конференций, мемуары, учебники, хрестоматии, энциклопедии, методические труды, журнальные заметки, в любой степени касающиеся рассматриваемых проблем. По характеру они представляют собой научную, научно-популярную, мемуарную, биографическую, краеведческую, учебную и справочную литературу. Что же касается документальных источников, то в историографическом исследовании им принадлежит вспомогательная роль. Автор не ставил задачи решать с их помощью частные, конкретно-исторические вопросы. Главную ценность тех или иных документов диссертант видел в возможности их использования в процессе формирования собственных взглядов по тем или иным вопросам. В этих целях были задействованы фонды Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, ряда местных архивных учреждений.

Анализ литературных источников осуществлялся в рамках следующих историографических периодов: 1) 20-е – первая половина 30-х гг.; 2) вторая половина 30-х – конец 50-х гг.; 3) конец 50-х – начало 90-х гг. При этом важно подчеркнуть, что начало советского этапа отечественной историографии темы определяется появлением

первых публикаций по анализируемым проблемам, а завершение – ликвидацией в 1993 г. Советов как политической основы государства. Как видно, автор отказался от специального выделения в конце 80-х гг. нового периода в историко-партийной науке, связанного с повальным пересмотром ее прежних концепций. Это объясняется тем, что данный процесс не отразился серьезным образом на изучаемой теме, которая обновляется эволюционным путем.

Хронологические и территориальные рамки исследования. Историографически хронологические рамки настоящего труда датируются 1920 – 1993 гг., а территориальные – охватывают административные границы Советской России, СССР и Российской Федерации, в которых на протяжении этого времени издавалась анализируемая литература. В конкретно-историческом смысле хронологические рамки работы ограничиваются периодом между двумя буржуазно-демократическими революциями в России, который продолжался с июня 1907 по февраль 1917 г. В географическом отношении территориальные границы исследования распространяются на Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Забайкальскую, Якутскую области, а также Омский уезд Акмолинской области. Именно эти субъекты Российской Империи начала XX в. традиционно признавались Сибирью в трудах историков.

Методологическая основа диссертации. Методологическую основу настоящего труда составляет материалистическая диалектика, которая представляет собой учение об универсальных законах развития явлений объективной реальности и процесса познания. Основными и наиболее общими из них признаются законы перехода количественных изменений в качественные и обратно, отрицание отрицания, единства и борьбы противоположностей. Все они достаточно отчетливо проявляются в ходе развития историографического процесса. Так, нарастающее количество новых фактов, выводов, методических приемов в трудах ученых неизменно приводит к возникновению качественно новой концепции. И, наоборот, когда концепция становится общепринятой, она начинает тиражироваться в общей массе литературы, т.е. качество уже переходит в количество. Сам же историографический процесс представляет собой наглядное подтверждение действия закона отрицание отрицания, поскольку в ходе его ниспровергаются казалось бы незыблемые положения, но и они в конечном счете оказываются невечными. В свою очередь дискуссии исследова-

телей являются ничем иным, как борьбой противоположностей, которая ведется ради единой цели – постижения истины. Своеобразный характер носило действие данного закона в советское время, когда в рамках одной методологии и идеологии существовали разные точки зрения по конкретным вопросам.

Главным подходом при решении задач предлагаемого исследования выбран формационный, что объясняется тремя причинами. Во-первых, он не противоречит методологической основе диссертации. Во-вторых, данный подход по своему определению является наиболее эффективным при изучении классов, партий, общественных движений, а значит – полностью согласуется с изучаемой темой. И в третьих, исследовать литературу советской эпохи вполне логично на той теоретической основе, на которой она создавалась. Это помогает лучше уяснить основополагающие выводы ученых и разобраться в механизме их творческой деятельности. Кроме того, формационный подход эффективно способствует выявлению негативных сторон советской историографии, поскольку они как раз и стали результатом абсолютизации, искажений и подмены истмата идеологическими догмами. Именно поэтому исторический материализм, используемый обществоведами в СССР, и формационный подход в трудах современных ученых нельзя отождествлять. На нынешнем этапе историографии появилась возможность использовать марксизм в чисто научных целях, который далеко не исчерпал своих методологических возможностей¹.

Безусловно, формационный подход, как и любой другой, не может быть самодостаточным. Он, например, малоэффективен для понимания внутреннего состояния человека как персонажа конкретных событий, а также межличностных отношений. В целях компенсации указанного недостатка автор в качестве вспомогательного использовал историко-антропологический подход. И этот выбор неслучаен. Данный подход не претендует на замену других направлений в процессе познания истории. Он лишь создает более емкий контекст, в котором надлежит рассматривать прошлое². Конкретно-исторический

---

¹ См.: Семенов Ю. И. Материалистическое понимание истории: недавнее прошлое, настоящее, будущее // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 80-84.

² Проблемы исторической антропологии // Отечественная история. 2000. № 6. С. 206, 207.

индивид – вот центральный момент рассматриваемого направления антропологии, проецируемого прежде всего на социальное развитие. При этом различные аспекты ментальностей включаются во всеобъемлющую социально-историческую систему и не рассматриваются как независимые от нее самодовлеющие феномены¹. В свою очередь современные приверженцы исторического материализма, развивая это учение, приходят к выводу, что субъективный фактор является постоянным источником социального развития и именно поэтому его следует определять «как проявление субъективности во взаимодействии с условиями существования человека в процессе его деятельности»². В такой ситуации главный и вспомогательный подходы настоящего исследования не могут вступить в противоречие, а значит – их использование вполне оправданно.

В общенаучном плане основными методами материалистической диалектики являются исторический и логический. В рамках первого из них в диссертации использовались такие приемы (или частные методы исследования), как сравнительно-исторический, историко-генетический, ретроспективный, социально-психологический, проблемно-хронологический, а в рамках второго – онтологический, герменевтический, гносеологический и аксиологический. Во введении диссертационного труда разъясняется сущность этих методов и приводятся конкретные примеры их использования в ходе анализа источников.

Научная новизна исследования. В работе впервые комплексно изучена советская литература по истории социал-демократической ссылки, социальной базы РСДРП и политической ориентации эсдеков в Сибири. Данный процесс представляет собой никогда ранее не предпринимавшуюся попытку рассмотрения отдельных проблем как единого целого с обязательной концептуальной преемственностью содержания глав диссертации. В ходе анализа источников, большинство из которых еще не подвергалось историографическому исследованию, были сформированы новые подходы к созданию следующих концепций:

---

¹ Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 22, 23.

² Мильчарек Т. П. Методология исследования субъективного фактора общественного процесса // Историк и литератор. Омск, 2000. С. 21.

- концепция поведения депутатов большевистской фракции IV Государственной думы на царском суде и во время Монастырского совещания в Туруханской ссылке;
- концепция характера и руководства Ленской стачки 1912 г.;
- концепция взаимовлияния организаций РСДРП и их социальной базы в условиях Сибири;
- концепция причин примиренчества в социал-демократическом движении региона;
- концепция идейной и организационной эволюции сибирских объединений РСДРП межреволюционного периода.

Практическая значимость работы заключается в использовании ее результатов в дальнейшем изучении как политической истории вообще, так и социал-демократического движения в частности. В случае признания положений и рекомендаций диссертации коллегами, она сможет выполнять справочные функции в деле совершенствования и углубления существующих знаний по истории организаций РСДРП и рабочего класса Сибири. Кроме этого, ее материалы могут быть использованы в учебно-методической деятельности, при освоении политических аспектов отечественной истории, в историографических спецкурсах. Для облегчения данного процесса изданы методические указания автора «Использование материалов о революционной деятельности Сибирского союза РСДРП при изучении курса политической истории XX века» и «Возникновение многопартийной системы в России. Характеристика политических партий», опубликован ряд соответствующих статей.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, примечаний, списка использованных источников, включающего 860 библиографических и архивных единиц, а также перечня сокращений.

Во введении обосновываются актуальность, научная новизна и практическая значимость темы, выявляется степень ее изученности, ставятся цель и задачи исследования, определяются его объект, предмет, хронологические и территориальные рамки, раскрываются источниковая и методологическая база диссертации.

Глава I предлагаемой работы называется «Социал-демократы в составе массовой политической ссылки в Сибирь в освещении уче-

ных и мемуаристов». Она состоит из трех разделов, в первом из которых поднимаются историографические проблемы численности, состава и партийных связей репрессированных эсдеков региона. Следует отметить, что вопросы количественного и качественного состава ссылки стали активно разрабатываться уже в 20-х – первой половине 30-х гг. Такое положение дел объясняется прежде всего многогранной деятельностью Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Важное значение тогда имело использование в исследовательском процессе данных анкетных обследований в различных местах поселения и заключения Сибири. Стали появляться по изучаемой проблеме публикации научного характера¹. В результате в середине 30-х гг. проблема численности и партийно-социального состава сибирской ссылки оказалась в чрезвычайно благоприятных условиях для своего дальнейшего развития. Однако большевистское государство не было заинтересовано в ее объективном освещении. Ведь ссылку представляли революционеры самых различных политических направлений. Они впоследствии приняли участие и в ее изучении. Идеологическая же стратегия ВКП(б) начиная со второй половины 30-х гг. предусматривала концентрацию научных и пропагандистских сил исключительно на собственной истории. К тому же в рассматриваемое время было уже известно, что представители ленинской партии не составляли в ссылке абсолютного большинства. А это противоречило официальной концепции вопроса. В итоге из всех аспектов истории ссылки освещаться стала только деятельность там выдающихся большевиков во главе с И. В. Сталиным.

Возвращение к прежним достижениям в области исследования численного и качественного состава политической ссылки в Сибирь состоялось лишь четверть века спустя. С началом 60-х гг. ученые вновь стали использовать материалы Общества политкаторжан и данные соответствующих анкетирований. В дальнейшем источниковая база проблемы постоянно расширялась, причем особый вклад в развитие данного процесса внесли Н. Н. Щербаков и Э. Ш. Хазиахметов. Ими впервые в историографии темы был применен комплексный подход в ее изучении. При этом труднопереоценимое значение имело составление и постоянное пополнение банка персональных данных о

¹ Никитина Е. Д. Ссылка 1905 – 1910 годов // Сибирская ссылка. М., 1927. С. 11-24; Она же. Торная дорога (Тюрьма и каторга 1905 – 1913 годов) // Девятый вал. М., 1927. С. 15-43.

репрессированных революционерах в Сибири. Правда, методика подсчетов и конечные задачи исследований у авторов были разные. Поэтому чисто цифровые показатели численного и качественного состава политических ссыльных региона у них не совпадали. Однако, даже следуя разными путями в творческом процессе, авторы пришли к единому обобщающему выводу о партийно-социальном составе репрессированных революционеров в крае. По их глубокому убеждению, в рассматриваемый период в сибирской ссылке преобладали социал-демократы, а в классовом отношении – рабочие. Данный вывод, впервые высказанный еще в 20-е гг., стал общепринятым в советской историографии. Правда, при этом упускался из виду тот факт, что основные источники численности и состава репрессированных революционеров давали определенное преимущество эсдекам и прежде всего большевикам в силу специфики их происхождения и использования. Конечно, оно не могло стать решающим при проведении соответствующих подсчетов. К тому же сами историки вовсе не отрицали количественного превосходства эсеров над большевиками в сибирской ссылке. Более того, они даже акцентировали внимание на абсолютном преобладании социалистов-революционеров в каторжных тюрьмах региона.

Примечательно, что сведения советских ученых о численности и составе сибирской политической ссылки не всегда соответствовали постулатам марксистско-ленинской теории. Если руководствоваться исключительно цифровыми показателями соответствующей статистики, то можно было прийти к выводу, что самой активной силой российского революционного процесса были эсеры. А большевики в ходе его развития не справлялись со своей авангардной ролью в рабочем движении, поскольку представители пролетариата имели заметное численное преобладание в ссылке, чего нельзя было сказать о членах ленинской партии. Впрочем, в случае признания меньшевиков частью пролетарской партии данные противоречия автоматически аннулировались. Однако по идеологическим соображениям этого сделано не было. Между тем указанные противоречия так и не были замечены в советской историографии. Это случилось потому, что исследователи, специально занимавшиеся вопросами ссылки в Сибирь, были не склонны абсолютизировать основополагающие принципы марксистской теории. Их интересовала главным образом фактическая сторона проблемы, что плодотворно сказалось на ее развитии.

Много внимания в советской историографии уделялось также проблеме партийных связей ссыльных и заключенных социал-демократов Сибирского края. Уже на первом ее этапе были известны все основные формы соответствующих контактов. Правда, это случилось благодаря активной публикации мемуарной литературы. В научном же плане проблема фактически не освещалась. Не произошло существенных сдвигов и на следующем этапе развития исторической науки, когда общее количество издаваемых воспоминаний резко уменьшилось. Однако на смену им пришли не исследовательские труды, а пропагандистские публикации, освещавшие связи И. В. Сталина и его соратников в ссылке с революционными силами в России и за рубежом. Преподносилось все это в явно преувеличенном виде, причем при очевидном противоречии с документальными материалами.

В полном смысле научное изучение данной проблемы началось лишь в 60-х гг. Именно тогда были защищены кандидатские диссертации, в которых вопросы взаимосвязей ссыльных пролетарских революционеров отдельных регионов Сибири со своими центрами и единомышленниками стали одними из главных¹. В дальнейшем шел неуклонный процесс последовательного расширения как территориальных рамок исследований, так и их источниковой базы. Из года в год увеличивался и круг ученых, занимавшихся изучением рассматриваемой проблемы (М. Ф. Богданова, А. Н. Евсеева, Л. П. Сосновская, В. С. Эмексузян, Л. А. Корикова, Е. И. Буряк, Р. А. Ермолаева и др.). И все-таки наибольший вклад в ее развитие внесли опять же Н. Н. Щербаков и Э. Ш. Хазиахметов. Оба автора ввели в научный оборот важные статистические данные по каждой форме контактов репрессированных социал-демократов Сибири со своими руководящими органами и соратниками, действовавшими на свободе, в подполье, эмиграции. При этом материалы Э. Ш. Хазиахметова представляли наибольшую ценность, так как свои научные исследования он посвятил сибирской политической ссылке в целом. Такой подход давал возможность сравнивать объем и интенсивность партийных

---

¹ Беляевский С. И. Революционная деятельность большевиков в Минусинской ссылке: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1962; Хазиахметов Э. Ш. Революционная деятельность большевиков в Нарымской ссылке: Автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 1964; Щербаков Н. Н. Большевики в восточносибирской ссылке (1907 – 1917 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 1967.

связей различных политических сил в местах поселения. В частности, эсеры по этим показателям, в общем, не уступали большевикам. Однако на это обстоятельство не было обращено внимание специалистов, поскольку почти все они изучали конкретно большевистскую ссылку. Следует также отметить, что меньшевистская ссылка в Сибирь в лучшем случае исследовалась как часть политической, а отдельно ей не занимался никто.

Наряду с периодами интенсивного развития партийных связей сосланных за Урал социал-демократов в исторической литературе были отмечены и кратковременные отрезки их ослабления. Такая ситуация сложилась сразу же после революции 1905 – 1907 гг. и в самом начале первой мировой войны. При этом последний случай был, по общему признанию ученых, наиболее опасным для ссыльных большевиков, поскольку им приходилось самостоятельно ориентироваться в сложнейшей политической обстановке. Как утверждалось в общей массе работ, большевики Сибири еще до получения ленинских «Тезисов о войне» выбрали в отношении ее пораженческую тактику. Однако ряд эпистолярных и мемуарных источников свидетельствует о том, что данный процесс был гораздо более сложным. Даже ближайшие соратники В. И. Ленина не смогли самостоятельно выработать четкую позицию по рассматриваемому вопросу. Более того, после получения в ссылке соответствующих документов не все сторонники В. И. Ленина согласились с их содержанием, но партийная дисциплина у большевиков была превыше всего. В целом же советским исследователям удалось доказать существование тесных контактов репрессированных социал-демократов Сибири со своими центрами, организациями, соратниками между двумя буржуазными революциями.

Второй раздел главы I диссертации посвящен историографии деятельности социал-демократов в местах каторги, заключения и поселения на территории Сибири. Данная проблема стала фигурировать на страницах печати еще в 20-е гг. Уже тогда организационно-политическая деятельность представителей рабочей партии внутри ссылки признавалась довольно активной. Вместе с тем их влияние на местное население считалось явно недостаточным. Эта тенденция нашла свое отражение и в литературе первой половины 30-х гг., но одновременно в изданиях тех лет стали появляться выводы о существенном воздействии большевистской работы на жителей традицион-

ных мест ссылки. Разумеется, в существующих общественно-политических условиях середины 30-х гг. первая из указанных тенденций не имела перспектив для своего дальнейшего развития, а вторая, наоборот, получила широкое распространение на втором этапе советской историографии. Именно тогда история политической ссылки Сибири стала рассматриваться всего лишь как часть биографий выдающихся деятелей ВКП(б). В публикациях 40 – 50-х гг. они превратились в своеобразный центр ссылки, вокруг которого разворачивались все события. Более того, их поведение там представляло на страницах печати немыслимую концентрацию всевозможных форм деятельности в условиях изоляции. Таким образом, в литературе 20 – 50-х гг. были освещены основные формы социал-демократической работы в местах каторги и ссылки. Правда, данный процесс осуществлялся в разных целях и с далеко неодинаковой степенью достоверности. К тому же развивался он главным образом в публикациях мемуарного и пропагандистского характера, поэтому элементы научного исследования проявлялись в нем крайне редко.

Последовательно научное изучение проблемы началось в 60-х гг. и продолжалось в последующие десятилетия. В нем приняли участие В. К. Видута, Д. С. Жарков, В. С. Познанский, А. П. Михеев, Д. И. Дмитриев, Ю. И. Секненков, П. Л. Казарян, А. Д. Сыроватский и др. При этом были даны документальные подтверждения, систематизация и теоретическое обоснование всем формам работы репрессированных революционеров в местах изоляции. В результате подробное освещение получили процессы создания там партийных и общих организаций, постановка политической учебы, подготовка побегов, акций протеста, антиправительственных выступлений. Самой активной силой на каторге и в ссылке единодушно признавались большевики. Однако в данном случае следует учитывать, что основная часть ученых интересовалась, прежде всего, сосланными в Сибирь большевиками, в лучшем случае они обращали внимание на репрессированных представителей РСДРП в целом. В ряде статей политическая ссылка отождествлялась с социал-демократической, а та в свою очередь – с большевистской. В итоге, сосредоточившись на одном объекте исследования, историки располагали подчас солидными материалами о большевиках, а сбор сведений о представителях других партий осуществлялся ими попутно и не имел специального значения. Сама же источниковая база исследований являлась в такой си-

туации односторонней, а, следовательно, нерепрезентативной. Иначе говоря, значительное количество собранных исторических документов еще не гарантировало их представительности. Все это нередко выливалось во вполне добросовестные, но строго определенные выводы о существенном размахе деятельности большевиков внутри ссылки и среди местного населения. Конечно, и чисто конъюнктурных искажений действительности в советской литературе встречалось немало. Однако в 60 – 80-х гг. не они были главной причиной деградации истории КПСС, а сама специфика ее написания, автоматически закреплявшая приоритет за главным объектом изучения еще до начала исследовательского процесса. В такой ситуации вполне закономерно встает вопрос о правомерности существования истории КПСС как науки, ведь не только идеология правящей партии, но и сама методика создания ее истории неизбежно приводила к искаженным выводам.

При рассматриваемом положении дел объективно выигрывали ученые, занимавшиеся проблемами политической ссылки в целом. В первую очередь это относится к Э. Ш. Хазиахметову. Он, как уже отмечалось, тоже характеризовал большевиков как самую активную и влиятельную силу в местах поселения. Однако приводимый им цифровой материал по различным формам деятельности ссыльных большевиков, причем данный в сравнении с мелкобуржуазными партиями, вовсе не создавал впечатления резкого преимущества первых¹. С другой стороны, аналогичные подсчеты Н. Н. Щербакова, заметно превосходившие в количественном отношении цифровые показатели Э. Ш. Хазиахметова, наводили на мысль о глобальном превосходстве сторонников В. И. Ленина над ссыльными представителями непролетарских партий. Отсутствие же соответствующих сравнительных материалов в работах автора только усиливало это впечатление². Таким образом, общий вывод советских ученых, характеризовавший боль-

---

¹ Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905 – 1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск, 1978; Он же. Сибирская политическая ссылка 1905 – 1917 гг.: Автореф. дис... докт. ист. наук. Л., 1988.

² Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907 – 1917). Иркутск, 1984; Он же. Влияние ссыльных большевиков на классовую борьбу, общественно-политическую и культурную жизнь в Сибири (1907 – 1917 гг.): Автореф. дис... докт. ист. наук. Иркутск, 1987.

шевиков как самую активную и влиятельную силу в сибирской ссылке, имел в исторической литературе разные оттенки.

Пребывание социал-демократов в заключении и на поселении не было изолировано от влияния других политических группировок. Поэтому сам процесс их взаимодействия рассматривался историками в качестве одной из форм организационно-идеологической работы репрессированных революционеров. Данный вопрос трактовался на разных этапах советской историографии неоднозначно. В 20-х гг. встречались публикации об идиллических отношениях на каторге и в ссылке сторонников пролетарского и мелкобуржуазного социализма, трения между которыми возникали лишь в дискуссиях. Однако уже в середине 30-х гг. концепция «единой политической семьи» резко сменилась на утверждения о непримиримости и даже враждебности большевиков с эсерами и меньшевиками. В литературе второго этапа советской историографии большевики становятся единственной реально действующей и идейно закаленной силой ссылки, а все другие партии превращаются в своеобразных поставщиков морально разложившихся лиц, преступников и провокаторов. В трудах 60-х – начала 90-х гг. в основу рассматриваемых отношений была положена тактика «левого блока», олицетворявшая союз рабочего класса с крестьянством в борьбе за власть. Суть ее заключалась в сотрудничестве марксистских и народнических партий на практике при продолжающейся борьбе между ними в теории. При этом ни один из исследователей не рискнул назвать сотрудничество главным компонентом межпартийных отношений в ссылке, поскольку склонность к идейным компромиссам долгое время не приветствовалась в советском обществе. Вопрос о приоритете одной из двух составляющих процесса взаимодействия левых сил вообще не ставился в исторической литературе. Специально не рассматривался учеными и вопрос приоритета тактических установок различных политических течений среди ссылных. В определенной мере он был затронут лишь в отношении первой мировой войны. В итоге большинство историков поддержало мнение А. П. Мещерского и Н. Н. Щербакова о центристском характере сибирской ссылки в целом¹. Между тем вопрос о численном со-

---

¹ Мещерский А. П., Щербаков Н. Н. В. И. Ленин и политическая ссылка в Сибири. Иркутск, 1973. С. 130.

отношении оборонцев, центристов и пораженцев непосредственно в местах каторги, заключения и поселения остается на данный момент открытым. Однако уже сейчас есть основания полагать, что последних там было заметно больше, чем среди ссыльных в городах и промышленных центрах Сибири.

В третьем разделе главы I диссертации анализируются проблемные вопросы пребывания лидеров большевизма в сибирской ссылке. Освещение их деятельности там долгое время являлось элитным направлением советской историографии. В литературе по данной тематике решались пропагандистско-дидактические задачи, поэтому она оставалась вне критики. Естественно, в такой ситуации не могло быть и речи о каких-либо научных дискуссиях. Отход от официальной концепции темы был практически невозможен. Исключения в данном случае составили работы о И. В. Сталине. Это объясняется противоречивым отношением к нему идеологических органов партии в процессе развития Советского государства. Так, в 20-х гг. И. В. Сталин даже не причислялся к когорте «мировых вождей», репрессированных царским правительством. Факты его ссылки в Сибирь не фигурировали тогда и в учебниках по истории РКП(б) и ВКП(б). Однако в 30-е гг. историки стали все чаще акцентировать внимание на революционном значении пребывания И. В. Сталина в местах поселения, а в 40-х – первой половине 50-х гг. данный вопрос был доведен до полного абсурда. Так, остяцкая Курейка Туруханского края нередко признавалась штабом российского революционного движения на том лишь основании, что там находился во время первой мировой войны «великий вождь». После XX съезда КПСС в исторической литературе была предпринята попытка развенчания культа личности И. В. Сталина. Она проявилась и в отношении его пребывания в сибирской ссылке. Однако данный процесс продолжался недолго, уже в 60-е гг. он прекратился. Далее, вплоть до середины 80-х гг., рассматриваемая проблема даже не ставилась в трудах ученых. Примечательно, что в ходе ее развития особую роль сыграли воспоминания К. Т. Свердловой, неоднократно переиздававшиеся в разное время. Они были использованы как в создании, так и в разоблачении культа личности, а в их четвертом издании прослеживалась тенденция к началу частичной реабилитации генералиссимуса¹. Однако начавшаяся «пере-

---

¹ Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. 4-е изд. М., 1985.

стройка» воспрепятствовала этому. В ее годы развернулась новая волна соответствующих разоблачений, причем применительно к сталинской ссылке в Сибирь она проходила на чисто эмоциональном, субъективном уровне (Р. А. Медведев, Д. А. Волкогонов, А. В. Антонов-Овсеенко). В целом же характеристика личности И. В. Сталина представляла собой крайне противоречивый процесс в советской историографии, прошедший сложный путь развития от равнодушия до обожествления, от низвержения до игнорирования, от попытки реабилитации до нового развенчания. Однако ни на одном из этих этапов не было предложено научной концепции проблемы. Ученые и мемуаристы в данном случае решали исключительно политические задачи.

Все другие революционеры, заведомо причисленные к выдающимся деятелям КПСС, оценивались в исторической литературе однозначно положительно. При этом спорные моменты возникали крайне редко, да и то исключительно по частным проблемам. К таковым принадлежал вопрос о поведении депутатов большевистской фракции IV Государственной думы, а также Л. Б. Каменева на царском суде. Данная проблема могла быть решена уже на начальном этапе советской историографии. Однако богатейшие документальные материалы, представленные в мемуарных трудах бывшего депутата Думы Ф. Н. Самойлова, так и не были использованы в дальнейшем¹. И это не случайно, поскольку они раскрывали основную цель подсудимых большевиков, которая состояла в получении как можно меньшего наказания, а отнюдь не в пропаганде ленинских взглядов на войну. Именно поэтому на следующем этапе историографии проблема была полностью фальсифицирована. Представшие перед царским судом большевики были искусственно разделены на положительных героев в составе «думской пятерки» и отрицательного персонажа в лице Л. Б. Каменева, который к этому времени уже числился в списках «врагов народа». Данная концепция при некоторых корректировках так и осталась незыблемой в советской исторической литературе. Правда, с 70-х гг. некоторые исследователи стали анализировать ошибки, допущенные большевистскими депутатами на суде. Отрицательная же роль там Л. Б. Каменева никогда не пересматривалась. Явно предвзято освещалось и его пребывание в селе Монастырском

---

¹ Самойлов Ф. Н. Процесс большевистской фракции IV Государственной думы. Ч. 1-4. М.-Л., 1927; Он же. По следам минувшего. М., 1934.

Туруханского края. В особенности это касается вопросов взаимоотношения с ним ссыльных соратников, в том числе бывших депутатов. И если ссылка последних была прослежена учеными вплоть до Февральской революции, то о деятельности Л. Б. Каменева в Сибири до сих пор ничего не известно.

Еще одним спорным моментом в освещении пребывания лидеров большевизма в ссылке стал вопрос о роли В. В. Куйбышева и Я. М. Свердлова в организации первомайской акции 1912 г. в Нарыме. На начальном этапе советской историографии их участие в проведении данного мероприятия или не отмечалось совсем, или не выделялось на фоне деятельности других репрессированных революционеров. Однако с середины 30-х гг. ситуация резко изменилась. В исторической литературе стали явно преувеличиваться как размах самой маевки, так и роль в ней упомянутых большевиков. Особенно это касалось В. В. Куйбышева. Как известно, его смерть вслед за убийством С. М. Кирова стала поводом для начала массовых репрессий в СССР. И чтобы эту «месть» в полной мере оправдать, необходимо было идеализировать образ «товарища Валериана» посредством массовой пропаганды. Данный процесс затронул и вопрос об участии В. В. Куйбышева в организации Нарымской акции. Поэтому совсем не случайно в трудах ученых и мемуаристов его личность в рассматриваемых событиях буквально затмила всех других ссыльных революционеров, включая самого Я. М. Свердлова. Концепция анализируемой проблемы, сформированная главным образом в 30 – 40-х гг., в исследованиях историков европейской части страны практически не пересматривалась. В работах же сибирских ученых, благодаря, прежде всего, Э. Ш. Хазиахметову, была дана объективная оценка как самой маевки, так и роли в ее организации рассматриваемых личностей. Однако новая концепция проблемы так и не стала общим достоянием отечественных историков.

Глава II диссертации «Рабочие Сибири как социальная база местных организаций РСДРП в исторической литературе» включает два раздела. Первый из них посвящен историографическому исследованию состояния, положения и стачечного движения местного пролетариата в 1907 – 1917 гг. Анализ соответствующей литературы позволил сделать вывод о том, что вопрос о социальной базе РСДРП в регионе был достаточно подробно рассмотрен советскими учеными. При этом главными объектами изучения стали такие его аспекты, как уровень

промышленного развития Сибири и классовой зрелости ее пролетариата, интенсивность там забастовочной борьбы и роль в ней социал-демократов, а также степень готовности местного рабочего класса к Февральской революции. Все они в той или иной мере оказались недооцененными на начальном этапе историографии. Это стало следствием отсутствия серьезных научных разработок проблемы. В результате авторы были вынуждены пользоваться досоветскими концепциями о зачаточном развитии промышленности и пролетариата Сибири, и уже на их основе делались выводы об уровне рабочего движения в крае. На следующем этапе советской историографии концепция слабого развития сибирской промышленности и ее пролетариата не опровергалась. Вместе с тем признавался значительный размах стачечного движения под непосредственным руководством местных большевиков. При этом противоречие между слабостью социально-экономического развития края и силой революционного процесса там объяснялось внешними факторами. Среди них назывались прежде всего наличие политической ссылки и Транссибирской магистрали, после проведения которой из-за Урала прибыли кадровые рабочие с опытом классовой борьбы. Все это в свою очередь противоречило концепции о внутренних закономерностях Февральской революции в регионе, что, впрочем, не было замечено в рассматриваемое время.

Стремление к объективному освещению вопроса стало проявляться на третьем этапе историографии, в особенности с началом специальной разработки истории рабочего класса Сибири. В ее изучении приняли участие Д. М. Зольников, В. П. Зиновьев, А. П. Толочко, В. А. Скубневский, Б. И. Земеров, В. Н. Большаков, А. Е. Плотников и др. Публикующиеся в ходе этого процесса материалы свидетельствовали об относительности отставания промышленного потенциала края, поскольку оно проявлялось только в сравнении с индустриальными центрами страны. То же самое можно сказать о численности, концентрации, социальном положении местного пролетариата. Практически по всем абсолютным и относительным показателям стачечная борьба рабочего класса в целом по России превалировала над сибирским забастовочным движением. Однако и это происходило главным образом за счет крупных промышленных центров. В ряде исследований ученые пришли к мнению о низком уровне политической зрелости рабочих региона, вплотную приблизившись к выводу об их неготовности самостоятельно проявить себя

в Февральской революции, но прямо об этом заявлено не было. Последние данные специалистов свидетельствовали о крайне слабом восприятии социал-демократических идей сибирским пролетариатом, хотя соответствующая работа в его среде проводилась.

Эти выводы, обобщенные в коллективных монографических трудах 80-х – начала 90-х гг., представляли собой качественно новый подход в изучении рассматриваемого вопроса¹. Однако в основной массе историко-партийной литературы они учтены не были.

Во втором разделе данной главы анализируется становление и развитие концепции большевистского руководства Ленской стачкой 1912 г., осуществляется ее критика. Тема Ленской забастовки всегда была объектом особого внимания советских ученых и мемуаристов. Интерес к ней временно мог ослабевать, но никогда не подвергалась сомнению значимость этого события в истории страны. Такая ситуация стала следствием всеобщего признания изучаемой стачки своеобразной предтечей революций 1917 г. Разумеется, при такой трактовке вопроса тема оказалась монополизированной официальной идеологией. Однако произошло это не сразу. На первых порах наблюдалась острая борьба представителей большевистской и меньшевистской историографии за утверждение своей концепции проблемы. Закончилась она победой последних. В конце 20-х гг. мнение об экономическом характере забастовки при ее меньшевистском руководстве классово незрелым пролетариатом стало преобладающим. Противоположная концепция осталась недоказанной по причине отсутствия необходимых источников. Однако уже в 30-х гг. приверженцы радикального направления в марксистской науке взяли реванш. Он не был убедительным, поскольку документальная база темы осталась прежней. В основу же большевистской концепции рассматриваемой проблемы были положены воспоминания главных участников событий, созданные специально для ее подтверждения. Сначала П. Н. Баташев указал на образование подпольного кружка революционных рабочих на приисках². Затем П. И. Подзаходников и Г. В. Черепяхин засвидетельствовали существование там во время стачки партийной

---

¹ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982; Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Т. 1-3. Томск, 1988 – 1991.

² Баташев П. Ленский расстрел. М. 1936. С. 26.

группы большевиков¹. И, наконец, уже в 50-х гг. с помощью мемуаров М. И. Лебедева в историографии утвердились новые представления по данному вопросу. Согласно им созданная на Лене в 1911 г. большевистская организация сознательно готовила всеобщую забастовку горняков и в конечном итоге возглавила ее проведение². Между тем анализируемая концепция так и не получила документального подтверждения ни на одном из этапов своего развития. Более того, в результате сопоставления целого комплекса фактов диссертанту удалось установить ее явно заказной характер. Однако в советской исторической литературе она не только имела широкое распространение, но и приняла хрестоматийные формы.

Основой концепции идейного руководства Ленской стачкой являлась партийная принадлежность ее лидеров. Все они, начиная с конца 30-х гг., безоговорочно признавались большевиками уже на период изучаемых событий. Однако до сих пор это не подтверждено сколько-нибудь достоверными источниками. Более того, с уверенностью можно заявить, что председатель стачечного комитета ленских рабочих П. Н. Баташев был в 1912 г. беспартийным. Точно известно лишь о принадлежности Э. Ю. Думпе к социал-демократам, но как раз он к видным деятелям забастовки отнесен не был по причине его меньшевистского мировоззрения. Таким образом, политическая ориентация тех или иных лиц была для историков достаточным основанием, чтобы разделить их на положительных и отрицательных героев событий. Впрочем, меньшевизм Э. Ю. Думпе также остается недоказанным в существующей литературе. Однако, независимо от фракционной приверженности этого революционера, его роль в руководстве стачкой была на самом деле весьма значительной.

Со второго этапа советской историографии начинается искусственное привнесение в ход исследуемых событий острых идейных противоречий между партийными группировками. В такой ситуации проблема характера Ленской забастовки утратила свою актуальность. В трудах ученых и мемуаристов она могла трактоваться и как политическая, и как экономическая акция. Однако даже в случае признания второго варианта основной упор делался на демонстрацию борьбы большевиков с меньшевиками и эсерами за влияние на рабочих.

---

¹ Ленские прииски. М., 1937. С. 275, 285, 286.

² Лебедев М. И. Воспоминания о Ленских событиях 1912 г. М., 1957. С. 28-45.

Этим как бы компенсировалась экономическая направленность выступлений горняков. Начиная с 60-х гг. наиболее популярной в исторической литературе стала версия о перерастании экономического характера стачки в политический после расстрела мирного шествия рабочих. Она не была лишена здравого смысла, но всестороннего обоснования так и не получила. В общей массе изданий 80-х гг. концепция большевистского руководства забастовкой перестала воспроизводиться. Она, вне всякого сомнения, пребывала в творческом тупике. Объективный ход развития исторической науки требовал новых принципов осмысления Ленских событий, но им не суждено было появиться. Даже в период «перестройки» тема продолжала оставаться священной страницей истории КПСС, не подлежащей пересмотру.

Глава III диссертации названа «Проблемы политической ориентации организаций РСДРП Сибири межреволюционного периода». Данные проблемы, безусловно, являются самыми сложными в историографии темы. Поэтому не случайно они анализируются во всех трех разделах настоящей главы. Интерес к идейным позициям местных эсдеков начал проявляться еще в 20-х – первой половине 30-х гг. Уже тогда стали появляться публикации, освещавшие факты примиренческих настроений в рядах сибирской социал-демократии. Большинство из них носили мемуарный характер и являлись живым свидетельством сложных, противоречивых отношений внутри различных организаций РСДРП края. Именно в воспоминаниях той поры был впервые затронут вопрос о причинах примиренчества среди местных эсдеков. Данное явление объяснялось тогда специфическими условиями партийной работы в Сибири, а также особым характером регионального меньшевизма. Разумеется, эти положения требовали научных доказательств. Однако во второй половине 30-х – конце 50-х гг. рассматриваемая проблема не получила дальнейшего развития. Совместное пребывание ленинцев с оппортунистами в единых организациях объявлялось формальным, что дало повод для утверждений о существовании подлинно большевистских структур в Сибири. И, тем не менее, даже такое формальное единение было признано крупной ошибкой местных большевиков, на какое-то время утративших классовую бдительность. В период «культа личности» иного понимания фракционных отношений быть не могло, поскольку меньшевизм официально объявлялся контрреволюционным буржуазным течением.

На следующем этапе историографии ученые в меньшей степени были связаны идеологическими догмами, что способствовало достаточно интенсивному развитию анализируемых проблем. Они освещались как в обобщающих исследованиях, так и в трудах по истории конкретных организаций РСДРП края. Правда, в последнем случае проблема политической ориентации местных социал-демократических формирований в целом решена не была. Это объясняется прежде всего отсутствием у авторов общих критериев ее анализа. В данной литературе, как правило, идейные позиции организаций РСДРП Сибири 1905 – 1907 гг. автоматически переносились на их последующую историю, что было далеко не всегда верно. Сама специфика их политической ориентации требовала диалектического подхода. Однако следовать ему было достаточно сложно, поскольку в основной массе изданий при признании примиренчества характерной чертой социал-демократического движения в крае первостепенное внимание уделялось все же большевикам. Другого положения быть и не могло, так как в рамках истории КПСС изучалась деятельность именно ленинской партии, а исследование меньшевизма было сферой отечественной истории. В результате две фракции РСДРП стали объектом изучения по сути дела разных наук. Вся нелепость такой ситуации особенно ярко проявилась в работах о местных партийных организациях Сибири. Искусственное вычленение из их единых рядов сторонников В. И. Ленина отрицательно повлияло на процесс осмысления рассматриваемой проблемы. Это, в частности, наглядно демонстрируют многие очерки областных и краевых парторганизаций региона.

Попытки более четкого осмысления соответствующих вопросов прослеживаются в обобщающих монографических трудах сибирских исследователей¹. В них при определении идейных позиций местных объединений РСДРП использовался, как правило, единый критерий.

---

¹ Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907 – 1917 гг.). Омск, 1970; Зольников Д. М. Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982; Толочко А. П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910 – 1914 гг.). Томск, 1989; Сосновская Л. П. Нелегальная печать сибирских организаций РСДРП (1907 – февраль 1917 г.). Иркутск, 1993; Порхунов Г. А. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905 – 1914 гг.). Омск, 1993; Борьба большевиков в Сибири против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций (1894 – 1917 гг.). Омск, 1980 и др.

Им стал социальный состав партийных организаций. В результате те из них, в которых преобладали рабочие, определялись как в целом большевистские. В свою очередь организации с численным превосходством интеллигенции были отнесены к меньшевистским по своей сущности. При выявлении политической ориентации формирований сибирских эсдеков могли использоваться и дополнительные критерии. Так, в затруднительных случаях ученые обращали внимание на отношение местных социал-демократов к ликвидаторству или оборончеству. В рамках существовавшей тогда методологии все это было оправдано и выглядело вполне логично. Однако дополнительные критерии определения политической ориентации организаций РСДРП в условиях политической жизни Сибири срабатывали не всегда, а главный – зачастую абсолютизировался. В итоге не все действия эсдеков региона поддавались объяснению. Порой, пользуясь единой методологией и общими критериями, историки приходили к взаимоисключающим выводам. Ярким примером сказанному служат существующие в литературе тех лет оценки Троицкосавской партийной конференции, состоявшейся в сентябре 1910 г. Ее решения разными учеными могли признаваться и меньшевистскими, и примиренческими, и большевистскими, а ее роль в дальнейшем развитии социал-демократического движения за Уралом оценивалась в научных работах то положительно, то отрицательно, то вообще нейтрально.

Серьезное препятствие в процессе осмысления рассматриваемых проблем оказывали идеологические догмы, господствовавшие тогда в общественных науках. Так, по чисто политическим соображениям меньшевики упорно не признавались марксистами, а представители их правого центра, активно выступавшие против империалистической войны, объявлялись скрытыми оборонцами. В такой ситуации в целом ряде работ сторонники Ю. О. Мартова механически смещались к центру, оставив на левом фланге интернационалистского течения одних ленинцев. В действительности же в годы первой мировой войны правые меньшевики-центристы были ярыми противниками социал-патриотов, а левые – во многом смыкались с большевиками. По идеологическим соображениям искусственно радикализировались и решения Пражской конференции РСДРП 1912 г. Во многих советских изданиях она преподносилась исходным пунктом организационного размежевания фракций. Однако на самом деле в ее резолюциях речь шла лишь о необходимости разрыва с ликвидаторами. Перечислен-

ные идеологические постулаты совершенно не сочетались со спецификой сибирского социал-демократического движения. Поэтому без опровержения их невозможно было объяснить многие явления местной партийной жизни. Например, исследователи не дали убедительного ответа на вопрос: почему многие организации РСДРП региона поддержали решения Пражской конференции, но не выполнили их? А причины равнодушного отношения ссыльных большевистских лидеров к данному факту в частности, и к местному примиренчеству вообще, так и не заинтересовали никого из историков. Остались невыясненными в рассматриваемой литературе также причины поддержки пораженческих идей частью меньшевиков-интернационалистов в Сибири. Вопрос же о лояльном отношении большинства ликвидаторов региона к подполью даже не поднимался на страницах печати.

Все несоответствия сибирского социал-демократического движения общепринятым идеологическим канонам обычно объяснялись утвердившимся в нем примиренчеством. В этом, разумеется, был свой смысл. Однако вместо того, чтобы заняться детальным изучением сущности и генезиса примиренческой идеологии, ученые сосредоточились на выявлении причин ее распространения в местных партийных структурах. Данный процесс, кроме научных задач, преследовал цель оправдать идейную неустойчивость большевиков региона. При этом политическая ориентация социал-демократов Сибири изучалась в сравнении с идейными позициями их соратников в крупных промышленных центрах страны, что было, конечно, некорректно. Естественно, параллели в данном случае следовало проводить с провинцией, где примиренчество представляло собой закономерное и весьма распространенное явление. В такой ситуации вопрос о причинах его существования в организациях РСДРП края не стоял бы столь остро и имел бы в первую очередь познавательное значение. Тем не менее в 60-х – начале 90-х гг. ученые высказали по этому поводу массу мнений самого различного характера. И все же главными причинами распространения примиренческой идеологии среди сибирских эсдеков признавались слабая связь с партийными центрами, недостаток профессиональных теоретически грамотных кадров и неразвитость социальной базы РСДРП в регионе. При этом первые два из указанных тезисов оказались несостоятельными. Они противоречили статистическим данным самих советских исследователей. Вместе с

тем третья причина примиренчества была достаточно убедительно обоснована, но в большинстве случаев доведена до абсолютизации и рассматривалась без должного учета субъективных факторов, способствовавших идейному становлению местных объединений РСДРП. Кроме того, при рассмотрении процесса влияния социальной базы социал-демократических организаций на их идейный облик историки, как правило, отождествляли понятия «политическая ориентация» и «тактика», что значительно упрощало проблему. И, наконец, в трудах советских исследователей не была прослежена эволюция политической ориентации и организационного устройства объединений РСДРП Сибири, а она свидетельствовала об упадке социал-демократического движения в крае между двумя буржуазными революциями.

В заключении работы подводятся ее основные итоги, предлагаются к рассмотрению ученых новые историографические концепции и положения, выдвинутые автором, даются рекомендации по совершенствованию дальнейшего исследования анализируемых проблем.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ

Историография отечественной социал-демократии прошла в советский период сложный и противоречивый путь развития. Это объясняется неоднозначной ролью государства в процессе ее становления и функционирования. С одной стороны, в СССР были созданы специальные учреждения, научные советы по изучению истории партии и рабочего класса, подготовлены многочисленные кадры исследователей, налажена координация их деятельности в масштабах всей страны. С другой стороны, жесткие рамки официальной идеологии существенным образом сковывали творческий процесс ученых. В такой ситуации неоднозначными оказались и итоги развития темы. В целом они представляли собой своеобразный синтез достаточно высокого научного уровня лучших трудов советской историографии и идеологизированных, оторванных от жизни обобщающих выводов. Сказанное прямым образом относится к изучению сибирского социал-демократического движения. Более того, специфика социально-политического развития региона в начале XX в., особые условия здесь подпольной работы создавали дополнительные трудности в ис-

следовательской работе ученых. Прежде всего это касалось межреволюционного периода, когда не было прямого столкновения классов, а оппозиционные партии вынуждены были корректировать свои взаимоотношения и тактику поведения в борьбе за власть. Однако, несмотря на все сложности творческого процесса, изучение истории организаций РСДРП Сибири 1907 – 1917 гг. было очень активным. Особенно это проявилось при рассмотрении их роли в революционном движении. Пристальное внимание было уделено также деятельности местных эсдеков в массах. И все же наибольшее значение в историографии темы имело изучение проблем социал-демократической ссылки, социальной базы и политической ориентации сибирских организаций РСДРП. Без их исследования невозможно было сформировать объективные представления о политическом облике региональной социал-демократии, правильно оценить деятельность ее представителей.

Данные проблемы в той или иной мере освещались на всех этапах советской историографии, причем это делалось в работах самого различного уровня, характера, назначения. И все же, опираясь на лучшие образцы научной литературы того времени, нельзя не признать достойного вклада ее авторов в изучение ряда важных направлений рассматриваемой темы. К ним, безусловно, принадлежит вопрос о численности и составе сибирской политической ссылки. Благодаря ее комплексному исследованию удалось установить, что среди репрессированных революционеров на поселении преобладали социал-демократы, но в каторжных тюрьмах они количественно уступали эсерам. Кроме того, данные специалистов позволяют судить о том, что членов ПСР в различных местах изоляции региона в общем было больше, чем ленинцев. Этот факт не соответствовал идеологической конъюнктуре советской эпохи, но был вполне очевиден и никем не оспаривался.

В анализируемой литературе всестороннему рассмотрению подлежали партийные связи сосланных в Сибирь социал-демократов, а также формы их деятельности в местах поселения и заключения. В результате самой активной силой там признавались большевики, опережавшие почти по всем показателям не только меньшевиков, но и эсеров. Однако в трудах по политической ссылке в целом такое преимущество не выглядело существенным. В работах же, посвященных большевикам, создавалось впечатление их глобального превосходства

ва над представителями других партий в деле налаживания революционных связей, создания различных организаций ссыльных, подготовки акций протеста, политических выступлений, побегов на волю и т.д. То же самое можно сказать и о степени их влияния на местное население. В данном случае следует вести речь об искусственном завышении роли большевиков в жизни политической ссылки за Уралом. Это в гипертрофированных формах проявилось в биографических изданиях, посвященных видным деятелям партии Ленина, его ближайшим соратникам. Из них лишь И. В. Сталин подвергался критике в исторической литературе, но и это было сделано в периоды официального разоблачения культа его личности.

Начиная со второй половины 30-х гг. прямой фальсификации стала подвергаться история царского суда над депутатами большевистской фракции IV Государственной думы и их сопроцессниками. Вопреки имеющимся источникам, в работах тех лет была сформулирована концепция, согласно которой главной целью подсудимых являлась пропаганда ленинской платформы в отношении империалистической войны. В такой ситуации, как утверждалось в советской литературе, предательски повел себя лишь Л. Б. Каменев, отрекшийся от идей партии. Данная концепция не пересмотрена до сих пор, а между тем она не только фальсифицировала соответствующие события, но в определенной степени способствовала искажению истории ссылки в Сибирь, куда были отправлены главные фигуранты судебного процесса.

Значительны достижения советской историографии в области изучения дореволюционного рабочего класса региона. Сибирские ученые, специально занимавшиеся исследованием его материального, общественного, правового положения, выявлением уровня его политической зрелости и классового сплочения, пришли к выводу о слабом развитии социальной базы РСДРП за Уралом. Такой итог во многом объяснялся тем, что процесс изучения рабочего класса осуществлялся в рамках гражданской истории, которой были предоставлены более свободные творческие возможности по сравнению с историко-партийной наукой. Кроме того, успешному развитию проблемы плодотворно способствовали серьезные статистические исследования местных ученых. Это в первую очередь относится к изучению рабочего движения в Сибири. В результате в самом конце советского историографического периода по данной тематике появился крупный

хронико-статистический труд, третий том которого освещал межреволюционный период. Приведенные в нем материалы предоставляли возможность продолжить исследование рабочего движения в крае на качественно иной основе, что неминуемо привело бы к созданию новых концепций. Однако после распада СССР изучение как российского, так и сибирского пролетариата было неоправданно свернуто.

Самым ярким событием историографии рабочего движения в Сибири являлась Ленская стачка 1912 г. В советское время она была признана предтечей Октябрьской революции. Поэтому трактовка этого события была монополизирована идеологическими органами правящей партии. Апогеем данного процесса стало создание концепции большевистского руководства стачечной борьбой горняков золотых приисков Лены. Однако по сей день она так и не получила своего документального подтверждения.

Несмотря на отсутствие специальных обобщающих трудов по проблемам политической ориентации сибирской социал-демократии, они всегда находились в поле зрения историков. По их единодушному мнению, характерной чертой идейного облика местных организаций РСДРП было примиренчество. При этом следует подчеркнуть, что в советское время данное явление рассматривалось как разновидность оппортунизма, а идейные компромиссы тогда резко осуждались. Именно с таких позиций оценивалось примиренчество сибирских социал-демократов практически всеми исследователями, т.е. ему изначально придавался негативный характер. Признавая организации РСДРП региона едиными в организационном отношении, ученые, как правило, заостряли внимание на проявлении в них на протяжении 1907 – 1917 гг. большевистских и меньшевистских тенденций. В случае преобладания первых над вторыми давалась положительная оценка той или иной партийной структуре и наоборот. Рассмотреть же примиренчество социал-демократических объединений Сибири в качестве позитивного фактора в рамках существовавшей тогда идеологии было невозможно. Поэтому принципиально новых концепций в ходе исследования данного явления выдвинуто не было.

Таковы основные итоги изучения анализируемых проблем в советскую эпоху. Однако назначение диссертации не ограничивается только их подведением. Для придания конструктивности историографической критике автор предложил свои подходы и рекомендации, которые могут быть использованы как для создания новых кон-

цепций, так и для совершенствования дальнейших исследований по соответствующей теме.

Итак, в процессе достижения цели настоящего труда были сформированы новые подходы к созданию пяти историографических концепций. Первая из них связана с поведением депутатов большевистской фракции IV Государственной думы и Л. Б. Каменева на суде по обвинению в государственной измене и принадлежности к запрещенным организациям. По мнению автора, тактика поведения там всех сопроцессников была единой. Главный ее смысл состоял именно в своей защите с целью как можно большего смягчения меры наказания, а отнюдь не в пропаганде ленинских взглядов на войну. Однако в общей массе советской литературы это было отнесено исключительно в адрес Л. Б. Каменева, а члены «думской пятерки» признавались подлинными героями рассматриваемых событий. Разумеется, такой подход имел чисто политическую подоплеку. Л. Б. Каменев, как известно, никогда не отличался лояльностью к партийному руководству, часто проявлял самостоятельность, в том числе по вопросу отношения к войне. Поэтому он не был прощен ни в реальной жизни, ни на страницах советской печати.

Данная концепция имеет прямое отношение к теме диссертации, поскольку деятельность репрессированных депутатов в сибирской ссылке оценивалась в советской историографии в строгом соответствии с официальной трактовкой их поведения на царском суде. Кроме того, в этом вопросе учитывалась дальнейшая политическая карьера бывших депутатов думской фракции большевиков. Так, в советской литературе особое внимание было уделено ссылке в Сибирь Г. И. Петровского, ставшего крупным государственным и партийным деятелем СССР. Далее по своему рангу и популярности следовал А. Е. Бадаев, в соответствии с чем и определялся интерес историков к его пребыванию на поселении. В свою очередь М. К. Муранов и Ф. Н. Самойлов занимали в новую эпоху менее важные должности, поэтому их ссылка в Енисейской губернии освещена слабее. Деятельность же Н. Р. Шагова там оценивалась только в совокупности с другими большевистскими депутатами, репрессированными в годы войны. Как стало известно, он не выдержал тяжелых испытаний психически, что дискредитировало сам миф о «твердокаменности» представителей «ленинской гвардии». Именно поэтому об этом факте историки предпочитали не упоминать.

В свою очередь пребывание на поселении Л. Б. Каменева вообще не подлежало освещению по идеологическим соображениям, если не считать факта его осуждения на совещании ссыльных большевиков в селе Монастырском. Действительно, критика в адрес Л. Б. Розенфельда была там достаточно серьезной. Однако соратники Л. Б. Каменева продолжали видеть в нем одного из своих лидеров и относились к нему как к оступившемуся товарищу, что в корне опровергает выводы советской литературы. Таким образом, история пребывания «думской пятерки» большевиков в Сибири ждет своего нового осмысления, а пока неизвестная деятельность Л. Б. Каменева в ссылке должна быть исследована учеными. Все это помогло бы не только дополнить, но и завершить концепцию, выдвинутую автором настоящего труда.

Следующая авторская концепция посвящена проблеме характера и руководства Ленской стачки 1912 г. По мнению диссертанта, данная забастовка на всем протяжении своего развития носила экономический характер, правда, после расстрела рабочих она приобрела острое политическое значение. Во главе ее стояли в основном революционные рабочие, в разное время репрессированные царским режимом. Однако это не дает оснований говорить об идейном или партийном руководстве стачкой, ибо такового не было. Организаторы рассматриваемой акции разрабатывали ее стратегию и тактику, вели переговоры с администрацией «Лензото» и в этом смысле осуществляли определенную политику в стачечном движении на приисках. Однако в Центральный стачечный комитет они избирались не по идейным соображениям, а по личным и деловым качествам. В своем подавляющем большинстве они к 1912 г. в каких-либо партиях не состояли и даже не проявляли личных политических пристрастий в ходе развертывания событий. Все это дает основание для утверждения об искусственном создании концепции большевистского руководства Ленской забастовкой. Ее внедрение в историографию во многом исказило историю данных событий вообще, поэтому необходимо их новое освещение. В решении этой задачи определенную помощь может оказать литература 20-х гг., незаслуженно забытая исследователями. Нужен также поиск новых документальных источников по соответствующим вопросам.

Предложенная концепция взаимовлияния организаций РСДРП и их социальной базы в Сибири также впервые выдвигается именно в

настоящей диссертации. Однако объективно она была подготовлена всем ходом изучения истории местного пролетариата, которое следует признать довольно успешным. В результате творческой эволюции этой темы уже в 80-х гг. были созданы труды достаточно высокого научного уровня. Обобщая их, автор пришел к выводу о том, что слабость развития промышленности и рабочего класса края была относительной. По данным параметрам Сибирь отставала лишь от индустриальных центров страны. То же самое можно сказать и об уровне здесь рабочего движения. Поэтому социально-экономический потенциал дореволюционной Сибири будет корректно сравнивать не с промышленными районами Российской Империи, а со всеми другими ее регионами.

Все это следует учитывать при изучении вопроса о взаимовлиянии организаций РСДРП и местного пролетариата. Немаловажно иметь в виду и то, что политическая зрелость партии не всегда находится в прямой зависимости от классового сознания представителей ее социальной базы. Такое воздействие проявляется, как правило, на стадии формирования организации, но в период ее развития происходит обратный процесс. Таким образом, в 1907 – 1917 гг. политическая ориентация социал-демократов Сибири уже мало зависела от социальной зрелости местного пролетариата. Данное явление могло теперь оказывать влияние лишь на выбор их тактических установок. Обратный же процесс воздействия организаций РСДРП на рабочий класс региона был крайне незначительным. По убеждению автора, почти все его представители не были готовы ни к восприятию социал-демократических идей, ни к Февральской революции. Достаточно сказать, что сознательно разделяли программу РСДРП в среднем 0,3 % сибирских пролетариев, причем многие из них являлись членами соответствующей партии. Однако указанный факт вовсе не отрицает необходимости изучения деятельности местных социал-демократов среди рабочих масс. Она интересна сама по себе как часть политической истории. Наоборот, ее исследование следует продолжить с учетом новых методологических принципов. Особенно важно это предпринять в отношении пролетариата горнодобывающих отраслей промышленности, поскольку в межреволюционный период именно он проявлял наибольшую классовую активность в Сибири.

Отличается научной новизной и разработанная в диссертации концепция причин примиренчества в социал-демократическом дви-

жении региона. В данном случае автор исходил опять же из того, что сравнивать идейную зрелость сибирских объединений РСДРП с партийными организациями центра страны неоправданно. В российской же провинции примиренчество было вполне закономерным и широко распространенным явлением среди местных эсдеков. В свою очередь ссылка за Урал пополнялась, естественно, не только за счет репрессированных революционеров столиц и промышленных районов государства. Она представляла собой зеркальное отражение всех фракций, течений, направлений отечественной социал-демократии, действовавшей на всей территории России. В результате среди сосланных в Сибирь членов РСДРП заметно преобладали примиренцы, оказывавшие определяющее влияние на идейное формирование местных эсдеков и рабочих. Разумеется, в данном случае играли свою роль и объективные факторы. Главный из них заключался в сравнительной толерантности сибирского общества, где не было резкой социальной поляризации и основные классы еще окончательно не сложились. В такой ситуации примиренческая идеология не могла не найти для себя плодотворную почву. Это, безусловно, учитывалось разными политическими силами края, включая социал-демократов.

Примиренчество имело заметное распространение и среди большевиков. Особенно отчетливо это проявлялось в провинции. Однако большевистское руководство индифферентно относилось к такому положению дел. Его ссыльные представители даже не пытались способствовать фракционному размежеванию сибирской социал-демократии. Не предпринимали сторонники В. И. Ленина подобных попыток и в других регионах российской периферии. Они заботились о «чистоте» рядов своей партии в столицах, крупных промышленных центрах, именно там, где решалась судьба власти. В. И. Ленин и его соратники прекрасно понимали, что, взяв власть в центре страны, ее нетрудно будет распространить по всей провинции, в том числе и за Уралом. Таким образом, примиренчество социал-демократов в Сибири было тесно связано с положением дел в РСДРП в целом, но как раз здесь оно имело плодотворную социальную почву для своего развития. Разумеется, данная концепция не претендует на свою завершенность. Исследование рассматриваемой проблемы требует дальнейшего научного осмысления. При этом следует обратить внимание не столько на причины примиренчества местных эсдеков, сколько на само это явление, его внутреннюю сущность, истоки и ге-

незис. Было бы очень полезно рассмотреть его именно как социально-психологическое явление политической истории на стыке соответствующих наук.

Последняя авторская концепция посвящена идейной и организационной эволюции местных объединений РСДРП региона в рамках межреволюционного периода. Согласно ей данный процесс проходил в трех вариантах в зависимости от степени сложности внутривнутрипартийных отношений в конкретных организациях. Так, политическая ориентация социал-демократов Омска, Новониколаевска и Читы постепенно эволюционировала от примиренчества к ликвидаторству, а организационное устройство их формирований - от комитетов к группам и далее - к кружкам. Более сложным был данный процесс в Тюменском и Барнаульском объединениях РСДРП. Они прошли путь от большевистского примиренчества через идеи внефракционной социал-демократии до позиций меньшевиков-ликвидаторов, а их партийные структуры деградировали от крепких уставных комитетских организаций до аморфных образований отдельных эсдеков.

В свою очередь социал-демократическое движение в Томске, Красноярске и Иркутске имело свои особенности, но они стали проявляться не сразу. В нем также прослеживалась традиционная для Сибири тенденция, ведущая от примиренчества к ликвидаторству с постепенным распадом организаций комитетского типа. Однако с началом войны в этих городах стали возникать интернационалистские образования разного типа. Одни из них включали всех антиоборонцев, вторые - только левых социал-демократов, третьи - пораженцев, к которым в Сибири принадлежали не только ленинцы, но и некоторые приверженцы Ю. О. Мартова. Однако данные объединения не обладали сколько-нибудь серьезными силами и не имели существенного влияния в массах. Определенными потенциальными возможностями располагали Союз сибирских рабочих и Союз иркутских рабочих, а также Военно-социалистический союз в Томске, но и эти организации не были способны бороться на равных с самодержавием. В итоге, по мнению автора, в промежутке от первой российской буржуазной революции до второй в Сибири произошел упадок социал-демократического движения. Вместе с тем это не означает, что оно не заслуживает внимания исследователей. Сибирская социал-демократия продолжает оставаться уникальным явлением политиче-

ской истории России начала XX в., в связи с чем ее изучение необходимо продолжить на новой документальной и методологической основе.

В конечном же итоге общими усилиями специалистов необходимо написать историю, а также создать историографию политических партий Сибири досоветского периода. Это особенно актуально в наши дни, когда начинают зарождаться новые стереотипы, вольно или невольно искажающие реальность прошлой политической жизни.

НАУЧНАЯ АПРОБАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 1986 – 2003 гг. автор диссертации выступил по проблемам социал-демократического движения Сибири на 43 научных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Иванове, Брянске, Нижнем Новгороде, Перми, Тюмени, Омске, Томске, Кемерове, Якутске, Кокшетау. Подавляющее большинство докладов и сообщений опубликовано. Основные положения и выводы настоящего исследования отражены также в статьях, брошюрах, депонированных рукописях и монографии, получившей положительную рецензию в печати (Актуальные проблемы отечественной истории XVIII – XX вв. Омск, 2002. С. 174 – 176). В совокупности объем авторских работ составил 44,5 печатных листов:

Научные и методические труды

1. Исачкин С. П. Очерки историографии социал-демократического движения Сибири (1907 – 1917 гг.) / Омский гос. ун-т путей сообщ. Омск, 2001. 184 с. 11,5 п. л.

2. Исачкин С. П. Использование материалов о революционной деятельности Сибирского союза РСДРП при изучении курса политической истории XX в.: Методические указания / Омский ин-т инж. ж.-д. трансп. Омск, 1990. 22 с. 1,58 п. л.

3. Исачкин С. П. Возникновение многопартийной системы в России. Характеристика политических партий: Методические указания / Омский ин-т инж. ж.-д. трансп. Омск, 1993. 32 с. 2,35 п. л.

4. Белые пятна или фальсифицированная история: Учебное пособие / Исачкин С., Рачек Л., Самосудов В. и др. – Омский гос. пед. ун-т. Омск, 1996. 6,8 п. л.

5. Идейные позиции организаций РСДРП Сибири 1907 –

1917 гг. в монографиях советского периода / Исачкин С. П. – Омский гос. ун-т путей сообщ. – Омск, 2003. – 58 с. – Рус. – Рукопись деп. в ИНИОН РАН 31.03.03 № 57887. 3,9 п. л.

6. Основные тенденции развития советской историографии организаций РСДРП Сибири периода 1905 – 1907 гг. / Исачкин С. П. – Томский гос. ун-т. – Томск, 1987. – 38 с. – Рус. – Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР 24.02.87 № 27444. 2,6 п. л.

Работы в научных журналах и сборниках статей

7. Исачкин С. П. Проблемы изучения социал-демократии Сибири начала XX в. // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 153 – 160. 1,0 п. л.

8. Исачкин С. П. Социал-демократы в составе массовой политической ссылки в Сибирь (Историография советского периода) // Ползуновский вестник. 2003. № 3 – 4. С. 118 – 128. 1,2 п. л.

9. Исачкин С. П. Сталин в сибирской ссылке (Мифы советской историографии и реальность) // Изв. Омского ист.-краевед. музея. 2000. № 8. С. 171 – 179. 0,9 п. л.

10. Исачкин С. П. Характер и руководство Ленской стачки 1912 г.: новое осмысление проблемы // Изв. Омского ист.-краевед. музея. 2002. № 9. С. 206 – 213. 0,85 п. л.

11. Исачкин С. П. Развитие проблемы политической ориентации Томского комитета РСДРП на начальном этапе советской историографии // Организаторская и воспитательная работа партийных организаций Западной Сибири в условиях социалистического строительства: Сб. статей / Томский гос. ун-т. Томск, 1987. С. 3 – 8. 0,5 п. л.

12. Исачкин С. П. Роль и значение организаций РСДРП Сибири в событиях 1905 – 1907 гг. в исторической литературе, изданной к 20-летию первой российской революции // Идеино-политическое и организационное укрепление парторганизаций Сибири: Сб. статей / Томский гос. ун-т. Томск, 1987. С. 3 – 11. 0,75 п. л.

13. Исачкин С. П. Концепция истории Сибирского союза РСДРП в научной литературе второй половины 30-х – конца 50-х гг. // Проблемы историографии партийных организаций Сибири: Сб. статей / Томский гос. ун-т. Томск, 1989. С. 3 – 7. 0,45 п. л.

14. Исачкин С. П. Проблема политической ориентации местных комитетов Сибирского союза РСДРП в исторической литературе второй половины 30-х – конца 50-х гг. // Партийные организации Сибири

и Дальнего Востока: история и современность: Сб. статей / Томский гос. ун-т. Томск, 1991. С. 39 – 45. 0,6 п. л.

15. Исачкин С. П. Как искажалась правда о Ленских событиях 1912 г. (анализ историко-партийных аспектов мемуаров М. И. Лебедева) // Историк и литератор: Сб. науч. трудов / Омский гос. пед. ун-т. Омск, 2000. С. 90 – 93. 0,3 п. л.

16. Исачкин С. П. О степени социальной активности железнодорожников Сибири в 1907 – 1917 гг. (Материалы к курсам «Отечественная история» и «История железнодорожного транспорта» // Новые технологии – железнодорожному транспорту: подготовка специалистов, организация перевозочного процесса, эксплуатация технических средств: Сб. науч. статей с международным участием / Омский гос. ун-т путей сообщ. Омск, 2000. Ч. 1. С. 43. 0,07 п. л.

17. Исачкин С. П. Политическое руководство Ленскими событиями 1912 г. (Новое в преподавании отечественной истории) // История развития Омской школы: Сб. науч. статей и материалов. Омск: VIV PUBLISH, 2000. С. 40 – 42. 0,2 п. л.

18. Исачкин С. П. К вопросу о политическом облике Военно-социалистического союза // Общественная мысль, движения и партии в России XIX – XX вв.: Сб. науч. статей / Брянский гос. ун-т. Брянск, 2001. С. 57 – 59. 0, 2 п. л.

19. Исачкин С. П. Политическая ориентация Читинской организации РСДРП в 1907 – 1917 гг. (Историография проблемы) // Общественная мысль, движения и партии в России XIX – начала XXI вв.: Сб. науч. статей / Брянский гос. ун-т. Брянск, 2002. Ч. 1. С. 125 – 129. 0,4 п. л.

20. Исачкин С. П. Партийный состав сибирской ссылки межреволюционного периода в воспоминаниях 1920 – 1935 гг. // Катанаевские чтения: Сб. науч. трудов / Омский гос. пед. ун-т. Омск, 2003. С. 199, 200. 0,15 п. л.

21. Исачкин С. П. Н. А. Рожков как зеркало сибирской социал-демократии // Человек и общество: на рубеже тысячелетий: Международный сб. науч. трудов / Воронежский гос. пед. ун-т. Воронеж, 2003. Вып. 20. С. 240 – 242. 0,3 п. л.

22. Исачкин С. П. Историография первомайской акции политических ссыльных Нарыма // Человек и общество: на рубеже тысячелетий: Международный сб. науч. трудов / Воронежский гос. пед. ун-т. Воронеж, 2003. Вып. 22. С. 119 – 122. 0,4 п. л.

Публикации выступлений на научных конференциях

23. Исачкин С. П. Советская революционная мемуаристика как историографический источник // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. / Российский гос. гуманитарн. ун-т, Ист.-архивн. ин-т. М., 2003. С. 140 – 142. 0,2 п. л.

24. Исачкин С. П. Об идейно-политических взглядах Н. А. Рожкова (критика советской историографической концепции) // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: Тез. докл. международной науч.-теор. конф. / Ивановский гос. ун-т. Иваново, 1998. С. 425, 426. 0,15 п. л.

25. Исачкин С. П. Партийно-политические аспекты Ленской стачки 1912 г. в мемуарах П. Н. Баташева // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: Сб. материалов международной науч.-практ. конф. / Омский гос. пед. ун-т. Омск, 2000. Ч. 1. С. 204 – 208. 0,4 п. л.

26. Исачкин С. П. Идейное и организационное взаимодействие петропавловских и омских социал-демократов в 1905 – 1917 гг. (Советская историография) // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII – XX вв.): Международная науч. конф. / Омский гос. ун-т. Омск, 2001. С. 160 – 162. 0,2 п. л.

27. Исачкин С. П. К проблеме взаимоотношений самодержавной власти и демократической интеллигенции в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции: Тез. докл. международной конф. Пермь: ПРИПИТ, 2002. С. 63, 64. 0,15 п. л.

28. Исачкин С. П. Политическая ориентация социал-демократов Красноярска в советских трудах о местной партийной организации (июнь 1907 – февраль 1917 гг.) // Социал-демократия: революция и эволюция: Материалы международной конф. / Омский гос. техн. ун-т. Омск, 2003. С. 53 – 57. 0,4 п. л.

29. Исачкин С. П. Взгляды Ю. О. Мартова в отношении империалистической войны и их проникновение в Сибирь (Историографический аспект) // Социал-демократия: революция и эволюция: Материалы международной конф. / Омский гос. техн. ун-т. Омск, 2003. Ч. 2. С. 31, 32. 0,15 п. л.

30. Исачкин С. П. Формирование концепции «Культурного капитализма» в творчестве Н. А. Рожкова периода сибирской ссылки // Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX в. – начало XXI в.): Материалы всероссийской науч. конф. с международным участием / Омский гос. ун-т. Омск, 2003. С. 103 – 105. 0,2 п. л.

31. Исачкин С. П. Проблемы политического руководства Красноярским вооруженным восстанием периода первой русской революции // Русский вопрос: история и современность: Тез. докл. всероссийской науч. конф. / Омский гос. ун-т. Омск, 1992. Ч. 1. С. 45 – 47. 0,2 п. л.

32. Исачкин С. П. Концепция возникновения социал-демократического движения Сибири в советской исторической литературе // Русский вопрос: история и современность: Материалы всероссийской науч. конф. / Омский гос. ун-т. Омск, 1994. Ч. 1. С. 163 – 166. 0,3 п. л.

33. Исачкин С. П. О степени влияния социал-демократических идей на учащуюся молодежь и интеллигенцию Сибири (историографическое осмысление проблемы на материалах советского периода) // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII – XX вв.): Материалы всероссийской науч. конф. / Сиб. филиал Российского ин-та культурологии. Омск, 1995. Т. 1. С. 67 – 70. 0,3 п. л.

34. Исачкин С. П. Всесоюзное общество политкаторжан и развитие музейного дела в Сибири // Музей и общество на пороге XXI века: Материалы всероссийской науч. конф. / Омский гос. ист.-краевед. музей. Омск, 1998. С. 151, 152. 0,15 п. л.

35. Исачкин С. П. О степени влияния социал-демократической пропаганды на казачество Сибири (анализ советской историографической концепции) // Катанаевские чтения – 98: Материалы докл. всероссийской науч.-практ. конф. / Сиб. филиал Российского ин-та культурологии. Омск, 1998. С. 232 – 235. 0,3 п. л.

36. Исачкин С. П. Советская историческая литература о выдвижении лозунга «Превращение войны империалистической в войну гражданскую» в Сибири // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты: история и современность: Материалы всероссийской науч.-метод. конф. / Омский ин-т ПКРО. Омск, 1998. С. 68 – 71. 0,3 п. л.

37. Исачкин С. П. Проблема примиренчества в социал-демократическом движении Сибири 1907 – 1917 гг. (попытка историографического анализа исследований советского периода) // Историческая наука на рубеже веков: Материалы всероссийской науч. конф. / Томский гос. ун-т. Томск, 1999. Т. 2. С. 120 – 123. 0,3 п. л.

38. Исачкин С. П. Отношение Ф. И. Дана к империалистической войне в период сибирской ссылки (Историографический аспект) // Актуальные вопросы истории России на пороге XXI века: Материалы всероссийской науч. конф. СПб.: Нестор, 2001. С. 150, 151. 0,15 п. л.

39. Исачкин С. П. О восприятии идей пораженчества ссылными большевиками Сибири в ходе первой мировой войны (Мифы истории КПСС и реальность) // Актуальные вопросы российской военной истории: Материалы всероссийской науч. конф. СПб.: Нестор, 2001. С. 85 – 87. 0,2 п. л.

40. Исачкин С. П. Концепция межпартийных отношений на ка-торге и в ссылке и идеологическая политика Советского государства // Историк на пути к открытому обществу: Материалы всероссийской науч. конф. / Омский гос. ун-т. Омск, 2002. С. 40 – 43. 0,3 п. л.

41. Исачкин С. П. Политическая ориентация Нарымской организации РСДРП (Историография проблемы) // Русь, Россия. Политические аспекты истории: Материалы всероссийской науч. конф. СПб.: Нестор, 2002. С. 178 – 180. 0,2 п. л.

42. Исачкин С. П. К вопросу о восприятии социал-демократической пропаганды казаками Забайкалья в 1905 – 1917 гг. (Историографический аспект) // Казачество: проблемы истории и историографии: Материалы всероссийской науч. конф. СПб.: Нестор, 2003. С. 69, 70. 0,15 п. л.

43. Исачкин С. П. Роль организаций РСДРП Сибири в революционном движении непролетарских масс 1905 – 1907 годов (Вопросы историографии второй половины 30-х – конца 50-х гг.) // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири: Тез. докл. науч. конф. / Омский гос. пед. ун-т. Омск, 1987. С. 29 – 32. 0,3 п. л.

44. Исачкин С. П. Революционная деятельность В. В. Куйбышева в организациях Сибирского союза РСДРП (к историографии вопроса) // Куйбышев Валериан Владимирович: Тез. докл. межвузовской науч. конф. / Сиб. автодор. ин-т. Омск, 1988. С. 17 – 20. 0,3 п. л.

45. Исачкин С. П. Роль и значение организаций РСДРП Сибири в революционном движении солдатских масс 1905 г. в исторической литературе 20-х – первой половины 30-х гг. // История Западной Сибири в дореволюционный период: Омская областная науч. конф. / Омский гос. ун-т. Омск, 1988. С. 61, 62. 0,15 п. л.

46. Исачкин С. П. Изучение истории организаций РСДРП Сибири в 1920 – 1935 гг. // Руководство партии социалистическим строительством в Сибири, на Дальнем Востоке и революционная перестройка: Тез. докл. и сообщ. / ЯНЦ СО АН СССР. Якутск, 1989. С. 52, 53. 0,15 п. л.

47. Исачкин С. П. Политические ориентации организаций РСДРП Сибири периода 1905 – 1907 гг. в современной литературе // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири: Тез. докл. науч. конф. / Омский гос. пед. ин-т. Омск, 1991. С. 74 – 76. 0,2 п. л.

48. Исачкин С. П. Политическая ориентация Омской организации РСДРП накануне и в период первой русской революции (историография 20 – 50-х гг.) // Областная науч.-практ. конф., посвящ. 275-летию г. Омска / Омский гос. пед. ин-т. Омск, 1991. С. 74 – 76. 0,2 п. л.

49. Исачкин С. П. Использование литературы о вооруженных восстаниях в Сибири в 1905 г. в вузовском курсе отечественной истории // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории (тез. докл. и сообщ. науч.-метод. конф.) / Омский гос. ун-т. Омск, 1993. С. 33 – 35. 0,2 п. л.

50. Исачкин С. П. Социал-демократия и крестьянство Сибири в 1905 – 1907 гг. (советская историография) // Проблемы истории сибирской деревни (1900 – 1994 гг.): Тез. докл. науч. конф. преп. вузов г. Омска / Омский гос. аграрн. ун-т. Омск, 1994. С. 13 – 16. 0,3 п. л.

51. Исачкин С. П. К историографии I съезда делегатов Транссиба // Рынок – железнодорожный транспорт – культура: история и современность: Тез. докл. межвузовской науч.-практ. и метод. конф. / Омская гос. акад. путей сообщ. Омск, 1995. С. 9, 10. 0,15 п. л.

52. Исачкин С. П. Октябрьская революция как историческая реальность // Революции 1917 г. в России: история, современность, поиски путей примирения и согласия: Материалы региональной науч. конф. / Омский гос. техн. ун-т. Омск, 1997. С. 9, 10. 0,15 п. л.

53. Исачкин С. П. Политическая ориентация Союза сибирских рабочих накануне революционных событий 1917 года // Революции 1917 года в России: история, современность, поиски путей примирения и согласия: Материалы региональной науч. конф. / Омский гос. техн. ун-т. Омск, 1997. С. 74 – 76. 0,2 п. л.

54. Исачкин С. П. Изучение проблемы политической ориентации Омской организации РСДРП 1907 – 1917 гг. в работах В. М. Самосудова // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тез. докл. и сообщ. региональной науч.-метод. конф. / Омский гос. ун-т. Омск, 2000. С. 175 – 177. 0,2 п. л.

55. Исачкин С. П. К проблеме политической ориентации социал-демократов Тюмени (июнь 1907 – февраль 1917 г.) // Словцовские чтения – 2000: Материалы региональной науч.-практ. краевед. конф. / Тюменский обл. краевед. музей. Тюмень, 2000. С. 154, 155. 0,15 п. л.

56. Исачкин С. П. Критика концепции большевистского руководства Ленской стачкой 1912 г. // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы: Материалы региональной науч.-метод. конф. Омск: Курьер, 2000. С. 226, 227. 0,15 п. л.

57. Исачкин С.П. К вопросу о существовании Анжеро-Судженской организации РСДРП в период между буржуазными революциями // Кемеровской области 60 лет: Науч. конф. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. С. 78-80. 0,2 п. л.

Типография ОмГУПСа. 644046, г. Омск, пр. Маркса, 35.
Формат 60×84 1/16 . Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. . Тираж 100 экз.
Заказ